

ГАРИ ЛАЙТ
САГАНАЖ

Гари ЛАЙТ

САГАНАЖ

*Сборник избранных стихов
(2017-2024)*

BOSTON • 2024 • CHICAGO

Гари Лайт Саганаж. *Стихи*

Редактор: Марина Тюрина-Оберландер

Gari Light Sauganash. *Poetry*

Edited by Marina Tyurina Oberlander

Copyright © 2024 by Gari Light

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-59-3

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

In cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL

📄 bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

В оформлении обложки использована репродукция картины Артура Оффенгейма «Иллюзия»

Фотографии в тексте — из архива автора

Первое издание книги осуществлено издательством «Друкарський двір Олега Федорова» в серии «Библиотека Крещатика», международного литературного журнала «Крещатик». Главный редактор — Борис Марковский

Отпечатано в США с готового макета, подготовленного издательством «Друкарський двір Олега Федорова», Киев, Украина

Printed in the USA from the layout, prepared and provided by Oleg Fedorov Publishing, Kyiv, Ukraine

ПЕЙЗАЖ СО СПОРНОЙ ЗАПЯТОЙ

*Предисловие к сборнику стихов
Гари Лайта «САГАНАЖ»*

Симбиоз литературы и театра настолько органичен, что размышлять о том, что первично, либо в большей степени послужило предпосылками, или даже указующим перстом для творчества того или иного автора занятие совершенно неблагодарное, во многом вторичное, и даже бесполезное. Одно из стихотворений в своей новой книге стихов «Саганаж» — Гари Лайт, похоже, нарочито противоречиво назвал *Пейзаж со спорной запятой*. Благо мыслящие поэты, писатели и драматурги никогда не станут спорить с опытными редакторами и корректорами касательно технической специфики расположения знаков препинания. Дело здесь, на мой взгляд, не в грамматике и пунктуации. И даже не в присущей этому поэту самоиронии. Суть и смысл здесь, мне кажется, в том, где предусмотрены и происходят акценты пауз и смена дыхания. Как выстраивается манера сценической речи, которую поэт мысленно слышит у внимательного читателя, утончённо чувствующего изначально заложенный авторский смысл. Быть может, это мой слишком уж специфический взгляд, отягощённый многолетним опытом театрального режиссёра.

Тем не менее, предисловие к предыдущей книге стихов Гари Лайта написал киевский поэт Олег Максименко, сделав это именно в ключе драматургических мизансцен. Ещё и поэтому, взгляд с точки зрения определённых театральных тонкостей в личностном прочтении данного поэтического сборника мне показался не только вполне уместным, но ещё и вполне созвучным намерению автора книги, с юности далеко не равнодушному к театру. В эссе Олега Максименко анализировалась специфика

стихосложения и даже порой подсознательное внесение сценических подходов в поэтику с отрочества американского автора, родившегося в шестидесятых в столице Украины, но пишущего в том числе и по-русски. Мне это показалось любопытным, и поэтому, когда прошлым летом мне довелось ставить спектакль в Чикаго, наш с Гари общий добрый знакомый — известный писатель и драматург Александр Володарский — поспособствовал нашей очной встрече.

Думаю, все мы — и я, и Лайт, и Володарский сочтём риторическим вопрос о том, зачем после премьеры и в целом приятного послевкуся от вышеозначенного спектакля в последнюю неделю перед возвращением в Европу, вместо заслуженного покоя у столь ласкового летом озера Мичиган... я изначально озвучил идею проведения поэтического вечера Гари в гостеприимном доме наших общих друзей. При этом в дальнейшем процессе нашёл неожиданные, во многом сугубо театральные подходы, обезоружившие аргументы скептиков, включавших как самого поэта, так и его давнего друга и основного музыкального соавтора — Лику Могилевскую. В результате — по преобладающему мнению многих присутствующих очевидцев — прибрежное поэтическое действо, безусловно, удалось.

Я давно занимаюсь театральной режиссурой, поставил много спектаклей в достаточно искушённых театральной спецификой городах и весях. Но признаться, я никогда прежде не писал предисловий к поэтическим книгам. Хотя и поставил в семидесятых годах прошлого века спектакль по Булату Окуджаве, называвшийся *«Вольные фантазии на тему стихов»*. Пусть и эти мои заметки будут отнесены к теме вольной фантазии, хотя и в совсем уже другом ракурсе иных реалий.

Возможно, предисловие к поэтическому сборнику Гари Лайта хорошо было бы доверить человеку с академическими литературными знаниями, профессионально изучающему мощь индивидуального стиля, архитектонику поэзии, его эстетические особенности и тот проникновенный голос, который неповторим и характеризует себя по словам Евгения Боратынского: *Лица не-*

общим выраженьем. Но мне кажется, что здесь будет уместен своеобразный взгляд со стороны. Тем более, что автору не привыкать. И если ему однажды было интересно мнение поэта о драматургическом составляющем в его творчестве, также полагаю, что и ему самому, и читателям его новой, во многом определяющей книги будет мнение театрального режиссёра об авторской поэтике.

Как поэт, Гари Лайт и в самом деле ни на кого не похож. Трудно даже ответить на вопрос, кто были его предшественники, как он сформировался и почему слог его, с одной стороны, сложен не только для праздного чтения, но и для постижения целого каскада ассоциаций, исполненных глубинного смысла и вполне определённого содержания. Когда-то, тогда же в прошлом веке — в отзыве на одну из первых вышедших книг Гари, во многом уникальный поэт Ирина Ратушинская, жившая в Лондоне после заключения в советском лагере, заметила:

«Редкий дар Гари Лайта — неисчерпаемая на любовь душа. Он во многом — поэт на слух... «Любви иммунитет» — это то, что отмечает его стихи и всё, что за ними... Вот этот прорыв в иное, не всем доступное измерение — единственное, из которого всё видно и всё правильно видно, — то, что определяет его поэтическое направление».

Безусловно, переключку поэтов разных эпох в стихах Лайта можно обнаружить без труда. Но это не интеллектуальное заимствование, а скорее поэтическая родственность. Его стихи лиричны, нежны, пронзительны и очень точны в стремлении выразить круг болезненных тем, от которых нельзя уйти, отмахнувшись рукой или просто захлопнув книгу. Это поэзия удивительного слога, который окутывает, словно дымка и погружает в пространство не всегда рифмованных, но всегда истинно поэтических строк, максимально удерживая ваше внимание, не отпуская до последней строфы, одновременно открывающих некий оригинальный портал восприятия и новое понимание давно забытых и, в чём-то, даже азбучных истин.

При этом, как утверждал Ницше, в этом случае азбучность не отменяет наличие истины. Мне думается, что Гари создаёт некий собственный мир поэзии в его не только чарующем многообразии, но и в особом откровении звучащего слова. В этой поэзии вектор выразительных средств, изысканных оборотов ни с каким другим не спутаешь. Вы здесь, как в природной стихии другого континента, или как будто балансируете в процессе сёрфинга в океане, испытывая сомнительную уверенность в том, что сумеете устоять, преодолеть, понять. И как только это начинаете осознавать, тут же, неожиданно, мощная волна нового смыслового оборота приносит сладостное удовлетворение иного ракурса, открывающее мерцающие горизонты новых ассоциаций и смыслов.

Мне кажется, что писать таким образом свойственно только поэту, по-особому тонко чувствующему современность. Поэту, оперирующему особенными восприятиями и вынуждающему нас видеть хрупкий мир, наполненный не только очарованием божественной гармонии, но и его порой жестоким и кровавым противостоянием силам зла, его болевым и драматическим преломлениям, возникающим на стыке времён, в мощи множества образов, которыми в совершенстве владеет автор.

В каналах новостных —
неверие и смерть,
совсем не вопреки,
а просто слепок яви,
наотмашь и под дых,
а после с болью тлеть
от немощной тоски,
по выжженной спирали.
Стихи как моветон,
давно уже смешны,
кто б ни был их творцом,
и критиком — тем паче,
но нагнетают тон,
настойчиво на ты
и каверзным словцом
по многоточьям скачут

Стихи в сборнике «Саганаж» — во многом мастерски иллюзорны, что созвучно картине на обложке, так и называющейся «Иллюзия». Автор полотна — давний, ещё с прошлого века друг и творческий единомышленник Гари — Артур Офенгейм, родившейся в Одессе, известный московский актёр и режиссёр, давно уже живущий с женой и дочерью в немецком Дюссельдорфе. Своеобразная параллель пути — родившихся в дышащих надеждой шестидесятых мальчишек, особенно чтящих целую когорту разноязыких писателей и поэтов — «шестидесятников», в чём-то подсознательно подверженных иллюзиям времени рождения, но напрочь отвергающих разнузданный диктат с нахрапом и дурно пахнущий пафос тоталитаризма в любых проявлениях.

Гари не скрывает, что стихи в его новой книге подвержены, в том числе и горькой иллюзии «эффекта неприсутствия». Так названа в книге целая глава. Это касается вещей, написанных в период пандемии, а затем и полномасштабной войны, случившейся в его родной Украине, подвергнувшейся чудовищной, немислимой агрессии с Востока. Стихи, написанные в буколическом даже не пригороде Чикаго, а в исторической, полной мифов и легенд времён «индейских войн» части города, «граничащей» с пригородами огромного метрополиса, центра Мидвеста, на побережье одного из Великих Озёр. Стихи, написанные в жестокой непредсказуемости и физической отдалённости от столь остро подспудно ранящей его войны. Иллюзорные, полные горечи, боли и всё-таки не лишённые искренней надежды стихи.

...Ты — обняла меня, признавшись, что
уже погибла в марте,
прикрыв ребёнка от осколков в Ирпене.
Потом воскресла, но была убита в Буче,
старлеем, не услышавшим твоих
проклятий, прозвучавших приговором:
днём позже он был миной четвертован,
а птицы довершили его казнь.
Ты замолчала. Я пытался не упасть.
В прохладе сумерек ты горько проронила:
У той развилки я тебя покину.
Не навсегда. До следующей войны...

Наравне с прочими эти стихи в сборнике «Саганаж» — как своеобразное зеркало — отражающие разнообразие человеческих переживаний, ностальгических мотивов и тихого созерцания, которое можно почувствовать, прикоснувшись к урчащей кошке, как примете, свидетельствующей о тепле дома, одиночестве, печали и той самой надежде.

...не навязывать мнений,
услышать и даже поверить
проступившею складкой
на лбу, под дождливый диктант
и с урчащим котом на коленях...

Каждый из равнодушных к настоящей поэзии сумеет проникнуться ею, найдёт в этом замечательном сборнике повод для эстетического наслаждения и глубоких рассуждений о человеке, и даже об одном отдельно взятом, эвакуированном Гари с женой в Чикаго коте-киевлянине... Но также об узнаваемых общих тревогах, привязанностях, страдании и счастливых мгновениях встречи с прекрасным. Ана Юберсфельд — выдающийся театровед-структуралист утверждала, что театр — это закодированная практика, требующая глубинного анализа. И вот что я заметил, как читатель этих новых стихов Лайта, которые впервые прочёл этой весной в рукописи: согласно каббале, в тексте присутствуют шесть уровней погружения в смысл текста, который закладывается автором сознательно. В этом особое понимание текстовой структуры. Стихи в этой весьма далёкой от каббалистических восприятий, написанной по-русски книге поэта из просветлённо-урбанизированной американской провинции, имеют какую-то иную природу и другую стихию. И её не так просто обозначить сомнительным определением. Вот звучит первая строка, вторая, третья, и ты вдруг понимаешь, что в процессе даже самого внимательного чтения невозможно представить, куда это удивительное скольжение в конце концов приведёт.

Манера стихосложения Лайта похожа на внезапное мерцание, освещающее следующую строку. Порой создаётся впечатле-

ние, что рука сочинителя едва успевает за рождающейся метафорой. Но финал почти всегда изящен. Это та точка внутреннего удовлетворения, когда ни убавить, ни прибавить нельзя. И в этом тоже особая харизма его поэзии. Итальянские неореалисты предпочитали финал оставлять открытым. Это потрясающее умение удерживать внимание, давая возможность даже самому искушённому читателю задействовать собственное восприятие в полной мере. В этом ключе — Гари, похоже, осознанно и нарочито избегает знаков препинания, завершая стихотворение.

...Ветер будет к полудню.
Покуда ещё тишина.
Доработать строку.
Вспомнить нечто созвучное джазу.
Зимне-жаркие будни,
где строфами бродит волна
как всегда начеку:
в запятых моих ловит проказу.
Ничего не случится.
Имперских наречий ущерб
был чужим испокон
не всегда совершенному слову...
Незнакомые лица
в осязании свежести верб,
ветер с разных сторон.
Странный дар — как по кругу — *de novo*

В процессе написания этих строк мне не единожды казалось, что создавать предисловие к такому объёмному поэтическому сборнику, каким при погружении в него оказался «*Саганаж*» — задача отнюдь не простая, отягощённая тем обстоятельством, что автор этих строк всю сознательную жизнь занимается поиском поэтики и смысла драматургии. Но именно это обстоятельство позволило действительно ощутить, наряду со всеми другими достоинствами данной книги, особую сценичность и даже особое театральное измерение поэзии Гари Лайта. Поэтому приближение к творчеству автора требует определённой интеллектуальной подготовленности читателя, открыто-

сти и пиетета. И одновременно, чёткого понимания того, что мы открываем для себя некий мир, ни на что не похожий, окрашенный яркой индивидуальностью и неповторимостью поэтического языка.

Книгу открывает многомерное стихотворение, давшее ей название. Такое решение автора означает признание и ощущение природы влияния, дань и признательность богемному пространству и особой атмосфере тех районов мегаполиса, которые за сорок с лишним лет обитания Гари в Чикаго во многом способствовали формированию личности поэта:

Проникаю в этот город, как домой не понарошку,
я здесь вырос, и по сути, жив озёрными ветрами.
Был порой в муку размолот, холодом Чикаго вброшен
в амальгаму перепутий в небоскрёбной диораме...

Достаточно вообразить даже виртуально-мгновенный видеоряд, и очевидная сценография строк, заявив о себе, действительно выльется в каскад театральных мизансцен, открывая некий неведомый и непредсказуемый мир. Эти строки звучат своеобразным объяснением в любви «времени и месту»:

...и, прильнув к развалам книжным,
погружаясь в атмосферу вездесущего сюжета,
я дышал примичиганьем, навсегда далёким-ближним,
насквозь обращённый в веру — прерий, воздуха и света.
И когда, свалившись с неба, выпьешь кофе «у Декарта»,
ощущаешь чувство дома как нигде, уже лет сорок...
Словно ты в отъездах не был, и предчувствие азартно...

Форматные ограничения для предисловия не дают возможности цитировать множественные свидетельства того факта, что это истинная поэзия, в которой *словам тесно, а мыслям просторно*. И пусть это звучит в некоторых строках иронично, но в этом реальная, ненадуманная *ностальгия по-настоящему* и подлинному.

Из всех категорий простудных затей
Всё меньше желание видеть людей.
Уютней в компании кошек,
им легче сойти за хороших.

Автор стихов в сборнике «Саганаж» — не рядится в тогу отстранённой отрешённости. Его уже немалый жизненный опыт, к тому же рафинированный многогранностью адвокатского ремесла, позволяет ему не стремиться к всеобщему одобрению, искренне оставаясь верным своим тем самым, во многом «шести-десятичным» принципам. «Поэт остаётся собой» — как написал о вышедшей за несколько лет до войны, одновременно в Америке и Украине, книге стихов Лайта «Траектории возвращения» известный киевский писатель Алексей Никитин:

«...Поэт остаётся безразличен космосу, образующему с ним единое целое, только в том случае, если он помнит, как всё же важно быть собой. Он должен оставаться собой всегда, стоя на сквозном ветру, несущем из одной бесконечности в другую образы нашего мира, изменчивого и бесприютного. ... Мы видим, как строку за строкой он объединяет события своей жизни, разбросанные во времени и города своей судьбы, разделённые неумолимой, не признающей метафор географией, в единый поэтический мегаполис. В нём Андреевский спуск проходит неподалёку от Бульварного кольца и набережной Тель-Авива, переулки вашингтонского Джорджтауна вливаются в дворики Монмартра, неуловимо преобразуясь в улицы то ли лондонского, то ли манхэттенского Челси, а киевский Подол выходит непосредственно к юго-западному побережью озера Мичиган. Он основательно рискует, ведь наверняка отыщутся желающие указать на чрезмерную остроту суждений или недостаточную выверенность прогнозов, да мало ли в чём может быть ответственен поэт перед читателем, сражающимся за безупречную точность, которую он измеряет по собственной, никому кроме него не известной шкале. А между тем книга стихов Гари не даёт забыть о главном: в постоянно и непредсказуемо меняющемся мире, поэт всегда может оставаться собой».

«Саганаж» включает в себя только недавние стихи, написанные автором исключительно за семь лет. Ни одно стихотворение из вошедших в 2017 году в книгу «Траектории возвращения», о которой пишет Никитин, в новом сборнике не присутствует. Но Лайт и в значительной, если даже не кардинально изменившемся с тех пор в далеко не лучшую сторону мире, похоже продолжает оставаться собой:

Здесь каждый обязан решить для себя,
бежать грызуном от основ корабля,
ну, или презреть високосный,
что будет — предельно не просто.
А значит — есть повод остаться собой,
и как бы ни ошарашивал бой
часов и ракетных ударов...
За нами — оставлено право

Гари ни в коей мере не претендует на роль трибуна и по возможности старается избегать местоимений «мы» и даже «я». Опять же — это не наигранная отстранённость, а искренне усвоенный урок одного из своих заочных учителей, рождённого на украинской Черниговщине — тонкого лирика и философа, поэта Юрия Левитанского — «Каждый выбирает для себя...» Гари — по мудрому выбору своих родителей уже в раннем отрочестве оказался американцем. Но Поля Целана читал по-русски, в потрясающих переводах киевлянина, а теперь уже и берлинца Марка Беларуса. Похоже, в том числе и этот опыт убедил его в том, что в преступлениях легче всего обвинить язык, на котором говорили вершившие их негодяи. Такой подход несколько отводит кару проклятия от самих негодяев.

Пришла пора глобальных катастроф,
переиначиваний действий и значений,
где несколько вполне банальных строф
чреватые самосудом отречений...
«Хороших русских» знаю лично и люблю,
светло и резко, как «плохой американец»,
но линия прошла по февралю,
и в ней, увы, я украинец-самозванец...

Ему, как и многим из нас, выросших с родовыми пятнами Холокоста, искренне хочется верить в вопиющий из оврагов Бабьего Яра, крематориев Треблинки и Освенцима, безымянных могил Быковни и Колымы возглас — «Никогда снова!..». Но в новейшей реальности оказалось, что роковые уроки истории безобразно не выучены. Более того, в наступившую постмодернистскую эпоху пост-правды наличие истины для некоторых скверных учеников, возомнивших себя вершителями судеб, оказались вовсе не обязательны:

Древнейший народ отомстил за погром
тем нелюдям, кто осквернил светлый дом,
но «всё население планеты» вопит —
сионистов к ответу...
Реалии эти — похожи на сон,
в котором напившийся крови дракон,
вкусив человечины свежей,
слывёт добродушным невежей.

Эмпатия и сострадание, которую вдруг самонадеянно и резко в одностороннем, невежественном пафосе решили попытаться отменить временные адепты пост-правды и нахрапистой агрессии, никуда не исчезнут из истинной литературы. Эти базовые аспекты необходимого и в самые тёмные времена гуманизма безусловно свойственны в том числе и современным литераторам, наделённым утончённым слухом и по особому воспринимающим трагизм происходящего, когда страдания и боль являются определяющими приметами наступивших, но хочется верить, не продлящихся долго тёмных времён.

В новом, написанном всё же по-русски, в эти самые странные времена сборнике стихов американского поэта Гари Лайта, эмпатия, пожалуй, и подспудно, и нарочито — основной посыл.

В этих стихах нет восклицательных знаков, мессианства, лекционных нравоучений и подобострастия. В них есть боль, сострадание и надежда. Эта книга, несомненно, для внимательного и вдумчивого читателя. В ней безусловно и традиционно присутствует всё то, к чему привыкли постоянные читатели

этого автора — изысканность, тонкая лирика, ненавязчивые философские наблюдения. В ней нет ответов и предсказаний. И было бы, пожалуй, странно, если бы таковые присутствовали. Ведь уже упомянутая мной выше цитата из Юрия Левитанского о том, что *каждый выбирает для себя*, как раз и является частичной панацеей для текущего момента непредсказуемой современности.

*Иосиф Шац,
Maestru în Artă
Народный артист Молдовы*

*Кишинёв, Молдова
весна, 2024*

Родителям и Ане

«Не вписывай свое имя между мирами, совладай с многообразием смыслов, доверься следу от слезы, сумей жить».

Пауль Целан

«Актеры, с которыми я когда-то в Одессе был близок, объясняли мне, что самое трудное на сцене — это уметь «отшиться», уйти без неловкости, ничего не зацепив; в жизни это еще сложнее, чем на сцене».

Зеев Жаботинский

«Если через ваш город течет река, вам повезло. У реки есть свой почерк, аромат, силуэт. Силуэт вырезанной из рельефа плавно содрogaющей женственной массы, способной обрушиться в виде туманов, наводнений, паводков. У реки есть стиль. Город, расположенный по обеим сторонам её, склонен к внезапной меланхолии и столь же внезапному веселью».

Каринэ Арутюнова

«Что такое одиночество? Оно похоже на чувство, которое накрывает тебя, когда в дождливый вечер стоишь возле устья большой реки и долго-долго смотришь, как огромные потоки воды вливаются в море».

Харуки Мураками

«Уединение нужно искать в больших городах».

Рене Декарт

1. Поезд уходит в днепровские дали

САГАНАЖ

Проникаю в этот город, как домой не понарошку,
я здесь вырос, и по сути, жив озёрными ветрами.
Был порой в муку размолот, холодом Чикаго вброшен
в амальгаму перепутий в небоскрёбной диораме.
Несудьба восьмидесятых в нелюбови девяностых
растворяла антиподы этих квантовых понятий —
от суждений непредвзятых уходить совсем непросто
даже в нулевые годы объективных демократий.
Продолжал меняться город, в саганажных возвращеньях
от осмысленных ошибок, в партитуру этих улиц,
и снежинками за ворот тополиных воскресений
выбор был, как счастье, зыбок. Не перечил, повинуюсь,
чтобы сразу отрешиться и бродить по Линкольн-Парку¹,
сомневаться в построенье строф на языке ненужном,
и, разыгрывая в лицах вальс на самой кромке марта,
растерять местоименья в восприятии досужем.
Так мерещилось годами и, прильнув к развалам книжным,
погружаясь в атмосферу вездесущего сюжета,
я дышал примичиганьем, навсегда далёким-ближним,
насквозь обращённый в веру прерий, воздуха и света.
И когда, свалившись с неба, выпьешь кофе «у Декарта»²,
ощущаешь чувство дома как нигде, уже лет сорок...
Словно ты в отъездах не был, и предчувствие азартно
неким счастьем невесомым — город откровенно дорог

2/22-27/24

¹ Богемный район северо-востока Чикаго на побережье озера Мичиган.

² Легендарная кофейня в зале прилёта аэропорта Midway на юго-западе Чикаго.

* * *

Зимой високосного года претит
взывать к снисхождению кариатид
и слыть понимающим, светлым
в порывах слепящего ветра.
Из всех категорий простудных затей
всё меньше желание видеть людей.
Уютней в компании кошек,
им легче сойти за хороших.
Казалось бы — самое время чудес
в космических далях, реальный прогресс.
Но снова — орда в Украине
вершит злодеянья «во имя»...
Древнейший народ отомстил за погром
тем нелюдям, кто осквернил светлый дом,
но «всё население планеты» вопит —
«сионистов к ответу»...
Реалии эти — похожи на сон,
в котором напившийся крови дракон,
вкусив человечины свежей,
слывёт добродушным невежей.
Четвёртый по счёту коварен всегда,
недобрые вести зовёт в города,
и даже в селеньях поменьше
вершатся постыдные вещи...
А осенью люди пойдут выбирать,
и тут междометию в пору звучать,
но в рамках тех самых приличий
цветут карнавалы двуличий...
Ну да — високосен и полон примет,
но разве не глупо вывинчивать свет,
как прежде в советских подъездах,
быть стадом, стремящемся в бездну...

К чему риторический этот вопрос,
в висок — понимание метаморфоз,
а дальше как шторм после штиля,
когда станет не до идиллий...
Ничуть не поможет наличие обид
на нелюдей как вымирающий вид
и тех, кто от имени многих
морочит реальность двуногих...
Здесь каждый обязан решить для себя,
бежать грызуном от основ корабля,
ну, или презреть високосный,
что будет — предельно не просто.
А значит — есть повод остаться собой,
и как бы не ошарашивал бой
часов и ракетных ударов...
За нами — оставлено право

2/06-29/24

ПРЕДВЗЛЁТНОЕ

Несколько капель рассветного кофе.
Взлёт, и январь притворится июнем.
Ворох пророчеств, ведущих к Голгофе,
нелепо не понят. Неистовый Бунин
жаждал открытий, прочтений, соблазнов,
но время ушло на риторику быта,
женщин — красивых, несбыточных, праздных —
и так всё же лучше, чем в поле убитым
вместе с конём, указанием свыше...
чтобы потом восхищаться Магриттом
в дождливом, всегда отрешённом Париже.

Мало ли снов на виду океана
не находили своих продолжений
в изображении широкоэкранном
и суете мимолётных решений...
Кофе на юге — полезен едва ли —
Малер не гений, зима полноправна,
у всех предсказаний — судьба аномалий,
Бунин ошибся и тайно, и явно

1/12/24

НЕСОВЕРШЕНСТВО КАК ТАКОВОЕ

Несовершенство как таковое
даже печалит блаженством,
был ли разведчиком Оле-Лукойе
или же приспособленцем...
Что в кондуите швамбранском манило —
время, до всех потрясений —
национальность кота, как мерило,
фоном болезни осенней.
Был ли у Гашека Швейк идиотом
или предтечей распада,
ну а француз, слывший славным пилотом,
принца не вывез из ада.
Мебель, наличные, мелочи быта,
плут-комбинатор сюжета,
всё остроумие авторов смыто
лагерной сметой бюджета.
В ретроспективе — книги из детства
всё ещё жмутся по полкам,

цель палачей не скупится на средства...
Значит — в них не было толку

1/05-19/23

**МАЙ. ЭВАНСТОН.
АЛЬМА-МАТЕР**

У «Шекспировского Сада»,
в альма-матер, чуть левее
происходит «интифада»
обозлённых упырей...
В основном вполне абстрактно —
им примерно рассказали
про еврейскую бестактность
а об остальном едва ли.
Переростки пубертата
жаждут «от реки до моря»
под иконой Арафата,
вовсе не вникая в горе,
в боль библейского народа
обожженного печами,
им благоволят погода
и портреты с палачами.
И пока в тоннелях Газы
длятся муки Холокоста —
в альма-матер пересказы
тех печей звучат не просто.
Суть добра сошла с орбиты,
мрак спускается повсюду,
карме тлеть в антисемитах
непрощённым самосудом

5/02/24

ПРОМЕЖУТОК ПРИГРАНИЧЬЯ

Авторское послесловие

У этого сборника стихов, по сути, географическое название. Если быть точнее — это район среды присутствия: американский Средний Запад, на местном наречии — Мидвест, юго-восточное побережье озера Мичиган, район большого Чикаго. Здесь места ветров, озёр и прерий. Давнее приграничье, откуда европейские переселенцы, не задержавшись на уже освоенном североамериканском востоке, либо двигались дальше на запад к вожделенным землям тихоокеанского побережья, либо оставались здесь, в разных частях Мидвеста — от акваторий Великих Озёр до гряды Скалистых гор. Иллинойский Саганаж и окрестности — историческая вотчина индейского племени Потаватоми. Здешние улицы проложены по прежним торговым и боевым тропам. Здешние дома построены на месте прежних вигвамов. Не вдаваясь в детали здешних порой трагических обстоятельств, договоров, интриг, перемещений, поражений и побед, которые давно уже принадлежат истории... По выбору семьи, с раннего отрочества — я здесь дома. Это мой промежуток приграничья, куда я неизменно счастлив возвращаться уже более сорока лет.

Приграничья бывают разные — внешние и внутренние. Обозначенные на карте и проложенные в промежутках дыхания и сердечного ритма. Стихи, собранные в этой книге, скорее о ритме и дыхании. Здесь, в Саганаже есть тропа, проходящая сквозь лес. Однажды давно, она стала железнодорожной «узкоколейкой» и, отслужив на этой стезе немало лет, в какой-то период времени в промежутке приграничья между веками снискала репутацию загадочной и чуть ли не мистической заброшенности. Но случилось редкое волевое решение местной ратуши — рельсы

и шпалы заменил ненавязчивый асфальт. На вернувшей себе первоначальный смысл тропе появились белки и олени, а порой даже кошки и люди. За последние полтора десятка лет, в разные времена года, именно там ко мне изначально приходили строки стихов и прозы; задумывались и возникали названия как минимум трёх вышедших с тех пор книг; принимались решения о путешествиях, рабочих юридических стратегиях, а порой и стратегиях иного толка.

Там, в необычной тишине и непредсказуемости долгих месяцев пандемии, при встрече редкие прохожие возвращали на лицо спущенные на подбородок маски и отводили глаза. Туда, на эту старую тропу племени Потаватоми я пришёл промозглым утром промежутка душевного приграничья 24 февраля 2022 года, когда в моём родном Городе, далеко за океаном, уже несколько часов выли сирены воздушной тревоги, гремели взрывы и уничтожались вражеские диверсионные группы, кричавшие на том же языке, на каком тогда ещё общались многие мои друзья-киевляне и который я зачем-то столь бережно сохранил в Америке. К теме языков я ещё вернусь. Но сейчас о Киеве и Украине, которые... я никогда не покидал. Во всяком случае — это превалирующее мнение среди моих родных и близких. И ещё подобная точка зрения порой звучала у ряда уважаемых литературных критиков в отзывах о моих прежних публикациях. Безусловно, со стороны виднее. Хотя моё мнение по этому поводу в чём-то разнится в деталях.

Действительно, есть несколько мест на планете, в унисон с которыми происходят как моё дыхание, так и тот самый, вышеуказанный душевный ритм. Это, прежде всего — единый, неделимый, израильский Иерусалим, столица очень много значащего не только для меня еврейского государства. А также город моего первого вздоха, первого слова и первой рифмованной строчки. Это Киев — столица свободной, независимой и единой Украины. Меня основа-

тельно гложет физический «эффект неприсутствия» там, о чём в книге *«Саганаж»* есть целая глава. Но уверен, что эффект этот временный. И что очень скоро воплотятся пророчества пасхальной Агады — *«в следующем году — в Иерусалиме»*, и конечно же — в Киеве, и, может быть, даже не в следующем, а уже в этом. Общим моим обетованным землям нынче не до меня. В обеих — идёт война. Израиль и Украина непременно победят. И тогда мы увидимся. Обоюдно и обязательно. Так всегда, было, и так будет вновь.

Изначальное, рабочее название этой предполагаемой книги стихов представляло собой английскую транскрипцию латинского термина, обозначавшего семилетний промежуток. Не вдаваясь в расхожие психологические, культурологические и даже мистические нюансы подобных промежутков в жизни и творчестве — здесь если и присутствует подоплёка, то она вовсе не в мистике нумерологии. Просто семь лет назад, практически одновременно в Украине и в Америке вышел сборник моих «избранных» — лет за тридцать — стихотворений *«Траектории Возвращения»*. Автору весьма отрадны то, что к тому изданию неплохо отнеслись и читатели, и критика. Книга неожиданно оказалась удостоенной одной из литературных премий Союза Писателей Украины.

Основной творческий эксперимент нынешней книги заключался в том, чтобы туда вошли исключительно стихи, появившиеся с тех пор, за семилетний период с 2017-го по 2024-й. В этот отрезок времени произошло невероятно много всего. В силу складывавшегося в по-своему приграничном промежутке симбиоза глобальных и личных обстоятельств, несколько сократились непосредственные путешествия автора, предполагавшие частые пересечения Атлантики в самолётах. Тем не менее, виртуально продолжившись в Саганаже. Оказывается — Парижу, Праге, Киеву, Тель-Авиву, Барселоне и Калифорнии вполне ком-

фортно находить свои отражения в небольшой местности, прежде принадлежавшей не самому знаменитому из индейских племён Северной Америки. Поэтому нынешний сборник стихов носит географическое название приграничного промежутка, где заканчивается многоликий метрополис и буквально через дорогу начинается совершенно иной мир его расположенных в прериях и на побережье озера Мичиган пригородов.

Подобных, давно не безразличных автору, негромких географий в этой книге присутствует несколько, да ещё и не единожды: место ранне-отроческих открытий — римский пригород Ладисполи на берегу Тирренского моря. Ещё, находящийся на линии Гольфстрима, отделяющий Атлантику от Мексиканского залива, по сути, остров открытий уже литературных и вполне взрослых — Ки Вест. Ну и, конечно же, подспудно — возвращённая наконец осенью 2017-го из детских воспоминаний — Соколовка, на старом русле во многом магической и судьбоносной для автора реки Десны в Черниговской области Украины. Опять же — промежуток уже непосредственно географического приграничья, вполне реально осязаемого уже тогда, и очень остро — в сегодняшних жестоких военных реалиях.

Именно туда — к реке и хвойным лесам первой памяти мне так хотелось добраться в каждое из своих возвращений в Киев. Но всегда возникали обстоятельства, почему этого не происходило. Кроме тогдашней осени, после одного из, наверное, лучших из всех имевших место быть, посвящённых выходу *«Траекторий Возвращений»* моих авторских чтений. Та встреча с читателями и друзьями была особенной. Она прошла в каноническом для многих, а для меня особенно — Музее Булгакова на Андреевском Спуске, после захода солнца, по завершении поста Судного Дня. А следующим утром благодаря решительности бывлой одноклассницы и соседки по парте — транзитом через Бро-

вары и Остёр — я увидел наконец, по прошествии многих лет то самое старое русло Десны в Соколовке. Но подробности этого сюжета — уже скорей для грядущей прозы.

Ко всему прочему, признаться, Саганаж, да и весь Чикаго ещё и очень созвучны моим вечно киевским восприятиям окрестности. Особенно весной, когда происходит буйное и повсеместное цветение каштанов и сирени, явно посаженных много позже присутствия здесь последних представителей индейцев Потаватоми. Здешний климат практически тот же, что и в центре северной Украины.

Над Саганажем уже много лет расположен воздушный коридор, откуда заходят на посадку самолёты со всех континентов в не раз прославленный в мировой литературе чикагский международный аэропорт. Зачастую вечерами, с уже упомянутой в деталях местной лесной тропы, в небе кажется зависшим целый рой воздушных лайнеров, ожидающий разрешения авиадиспетчеров на посадку. Но однажды, вместо габаритных огней, кажущихся замершими в небе подобным НЛО «боингов» и «аэробусов», я лицезрел над тропой самый настоящий жюль-верновский воздушный шар. И это был не сон. Это был основополагающий контраст относительности и приграничья. Тропа в Саганаже располагает к чудесам. Порой, возвращаясь с неё к нашему с женой дому, я ощущаю себя идущим по Печерску, а если стремиться к более точным параллелям, — раз Саганаж чикагская окраина, то тогда с ним больше рифмуются прежние киевские окраины, такие, как Нивки или Голосеево. Наверное, всё же Голосеево, если учитывать количество здешних парков, а на самом деле — почти нетронутой лесной полосы.

И всё же это Америка. Тут в основном говорят, пишут и читают на несколько отличающейся от оригинала американской версии английского языка. Хотя и испанский язык в последние несколько десятилетий также основа-

тельно заявляет о своём присутствии и праве на место под здешним солнцем. Почти буквально — в непростых и во многом не похожих, в разной степени приграничных, но одинаково солнечных штатах — Калифорнии, Техасе и Флориде, сегодня уже можно ограничиться знанием исключительно испанского и, наверное, вполне сносно при этом существовать. Мало кто станет спорить, что и английский, и испанский — языки прежних империй, наложивших значительный, минимум лингвистический, отпечаток на свои прежние сферы влияния. А вот о подобном — имперском статусе русского языка — в агрессивной прежней метрополии по-прежнему ломаются копья, и ею даже развязана полномасштабная война с внедрением артиллерии, авиации, дронов и баллистических ракет против соседней мирной страны.

Я родился в тогда ещё советской Украине, в середине шестидесятых годов минувшего столетия. Не секрет, что русский язык был доминирующим на всём пространстве во многом искусственного бывшего Советского Союза вплоть до его долгожданного, во всяком случае, в эмиграции, естественного развала. Как и большинство киевлян в семидесятых, я с детства органично понимал и свободно читал на украинском языке, но говорил и общался на русском.

Есть, правда, печальный нюанс — в раннем детстве основную часть времени я проводил на Нивках, у бабушки с дедом, между собой говоривших на идиш, но кроме разве что нескольких слов этого удивительного, ныне исчезающего языка я почему-то не знаю, о чём очень жалею. Для меня до сих пор истинная загадка, почему так произошло. И может быть это ещё поправимо.

Оказавшись в Америке в раннем отрочестве, достаточно безболезненно, хотя и не сразу, вписался в англоязычную школьную и прочую среду, что вполне естественно в раннем отрочестве. Тем не менее, в отличие от изряд-

ного количества своих эмигрантских сверстников, сложилось так, что прежний язык сохранил в полной мере, да ещё и в чём-то усовершенствовал, открыв для себя огромный пласт написанной на русском, либо переведённой на этот язык, запрещённой в той самой метрополии великолепной литературы мирового уровня. И что ещё более необъяснимо для меня самого, даже сейчас, по прошествии изрядного количества времени — принялся тогда же писать на этом языке стихи и то, что отдалённо напоминало прозу.

Тогда, в восьмидесятых годах минувшего века, в здешней среде это считалось аномалией, и порой не чуждые литературным опытам в местной общине добрые люди постарше представляли меня заезжим в чикагские окрестности, среди прочих, Коржавину, Довлатову, Некрасову, Аксёнову и Бродскому. Ни один из перечисленных корифеев, признаться, тогда за феномен моё подобное времяпрепровождение не счёл. К счастью, я тоже не видел в этом ничего особенного.

Не утраченный вовремя русский язык вполне пригодился, когда в стране, пророчески названной Рейганом «империей зла», наметились поползновения к попыткам ухода от своего, похоже, естественного состояния — мракобесия и войны. Во время учёбы в университете на факультетах политологии и сравнительной филологии, а затем и в юридической магистратуре я много и довольно успешно занимался синхронным и документальным переводом. По окончании юридической магистратуры, в сюрреалистических девяностых, в числе многих владеющих тем самым языком — адвокатов, финансистов, маркетологов и прочих западных специалистов — я оказался в ремесленных приграничных промежутках Праги, Лондона, Киева и Москвы, получив предложение на адвокатскую должность в английской юридической фирме с давнишней деловой репутацией.

И когда на многочисленных переговорных встречах, в том числе и в городе детства, бывал представлен как «американский адвокат из московского офиса [известной британской юридической фирмы]», вполне осознавал некий фантазмагорический абсурд происходящего. Одним из способов совладать с этой явно временной надреальностью, кроме приобретённого вместе с родительскими генами много раз выручавшего меня чувства самоиронии, стало также то, что характеризуется в общем и целом громким словосочетанием литературная деятельность, генное происхождение которой родители продолжают категорически отрицать.

К тому времени мои стихи уже нередко публиковались в литературных журналах, вышло несколько поэтических сборников. За время тех нескольких лет восточно-европейской адвокатской каденции мне повезло, по различным стечениям обстоятельств быть знакомым с замечательно талантливыми, известными людьми из литературного и театрального мира. Я пересмотрел множество чудесных спектаклей, шедших в ту пору в репертуаре легендарных театров Европы. Не раз оказывался в обществе, делил сцену и читал стихи с литераторами, ставшими кумирами поколений ещё в пору шестидесятинической оттепели... Был рекомендован ими, и, едва достигнув тридцатилетнего возраста, принят в известный союз писателей.

Калейдоскоп всех этих явлений вращался в ту пору слишком быстро, и те самые мои определяющие ритм и дыхание, наряду с вышеозначенной самоиронией, подсказывали, что из поезда той, не вполне реальной реальности нужно суметь вовремя выйти. Не раз и не два в интересных творческих компаниях, будь то Москва, Питер, Таруса или Переделкино, мне с отменным чувством юмора, после очередного бокала элитного вина, ненавязчиво и комплиментарно указывали на «мой изысканный для иностранца русский».

Реже, после подобного комплимента также, будто незначай, ёмко звучал пассаж, в котором подчёркивалось то, что как, наверно, всё же странно с моим давно американским, в детстве вообще киевским, да ещё и определяющее еврейским происхождением слыть «русским поэтом». Подобные выпады, в основном, были свойственны не особенно известным и во многом случайным в подобных компаниях людям. Впрочем, я и сам был в этом обществе совершенно случаен и отчётливо осознавал, что всё это более чем не моё. На сан «русского поэта» никогда не претендовал.

Всё чаще и чаще я стал тогда бывать в Киеве, благо лететь туда на «боинге» замечательной, давно уже не существующей авиакомпании с израильским инвестированием было всего около часа. И фирменный поезд «Украина» со всей экзотикой детства, включая СВ и неограниченный чай в тех самых, не раз снявшихся за океаном подстанциях, отправлялся поздно вечером и приходил в Город, как правило, волшебным ранним утром, пересекая мост через Днепр в рассветных лучах. В Киеве, разумеется, тогда было, как и везде, переломно-сложно.

Допускаю, что и в давно оставленном «навсегда» городе детства могли присутствовать одиозные личности, не преминувшие бы напомнить мне и еврейское происхождение, и американские повадки, и несовершенное владение украинским языком, да ещё и зачистившие публикации на русском. Однако, подобного я не припомню, при том, что везде старался оставаться собой, *не стараясь угодить*.

Отрадно и тепло было от того, что в Киеве жили мои выросшие и во многом родные друзья детства, давно любимые и потрясающе интересные друзья родителей, которые принимали меня теперь в своих компаниях за равного, и — конечно же, в Городе происходили литературные ме-

роприятия, которые благодаря изначально знакомству с Евдокией Мироновной Ольшанской, легендарной Майей Марковной Потаповой, дружбе с уникальным киевским поэтом Василем Дроботом, замечательным писателем Алексеем Никитиным, бардами с изысканным литературным вкусом — Владимиром Семёновым и Инной Труфановой, а также многими другими талантливыми украинскими литераторами и художниками стали для меня необходимой сутью. В сравнении с весьма ограниченным, пусть и где-то похожим московским и ленинградским опытом, в киевской творческой среде мне значительно легче дышалось. Со временем пришло понимание того, — что город детства — навсегда мой Город, который многогранно мне необходим для ритма и дыхания.

Завершив в начале века контракт с британской юридической фирмой, был рад вернуться в давно ставший моим Чикаго. Промежуток приграничья, в котором фигурировало слово «Шереметьево», достаточно скоро испарился. Тамошнее нарастающее пренебрежение к канонам международного права во многом ограничило спрос западных компаний на американских и английских адвокатов. Да и вряд ли, в резко меняющемся мире, повторение подобного профессионального опыта заинтересовало бы меня вновь.

К тому времени не стало дорогих мне Сапгира и Нины Максимовны. Тяжело заболели и вскоре ушли Вознесенский и Витковский. Всё реже отвечал на звонки Дольский. Сгущались тучи политического мракобесия. Самые небезразличные из ещё оставшихся в России знакомых всё чаще стали приезжать в Америку. Некоторые из них благоразумно здесь оставались. Мне незачем стало там бывать. Но Киев при этом оставался для меня естественно необходимым. Там было отрадно останавливаться и за-

держиваться до и после посещений Израиля. Там жили близкие люди. Там стали регулярно выходить мои книги. Туда меня звали читать стихи. Там я не был чужим.

Только с каждым визитом, после Майдана и кражи у Украины Крыма, страна и её столица становились всё более печальней. В один из моих осенних приездов мы с Василем Дроботом вышли из здания Союза Писателей после нескольких литературных встреч. Не стали по обыкновению спускаться к Крещатику. Взяли в фургончике вкуснейший, заваренный «по-львовски» кофе и присели на бордюре улицы Институтской, где в стволах окрестных деревьев ещё оставались свежие следы от пуль времени расстрела Майдана. — Дыши этим воздухом глубже — сказал мне Василь. — Они не смирятся с тем, чтобы так просто дать нам жить свободными. Здесь будет большая война. Мы выстоим, и тогда ты приедешь снова. Но какое-то время не приезжай. Тебе здесь будет небезопасно, как, впрочем, и всем нам...

Война, увы, уже была в разгаре. Уже на то время в новейшей истории Украины случились страшные были и боль Иловайска и Дебальцево, запеклась бурыми пятнами кровавой памяти героическая оборона Донецкого аэропорта «киборгами» — сводными отрядами украинских десантников, спецназа и добровольческих батальонов. — Видишь, какой у нас здесь теперь Израиль — сказал мне тогда мой добрый товарищ — киевский поэт Олег Максименко, недавно гостивший у друзей в кибуце на Голанских Высотах. Он позвал меня той осенью вместе с легендарными киевскими бардами Владимиром Семёновым и Инной Труфановой, с которыми мы до этого клали камни у Меноры в Бабьем Яре, выступить перед ранеными на Донбассе военными, волонтерами и персоналом в Центральном Военном Госпитале на Печерске.

Это было через несколько дней после разговора с Василем на Институтской. Мы шли туда, к госпиталю расположенному в стариной крепости со странным названием «Косой Капонир», запомнившимся ещё с Печерского детства. По дороге нам часто попадались молодые ребята и девушки в военной форме, некоторые с автоматами через плечо. — Ну чем не Тель-Авив или Хайфа? — вновь спросил меня Олег. И мне нечего было ответить, кроме как — храни вас Б-г...

Затем случились чудовищные для глобального восприятия нумерологии февраля 22-го и октября 23-го. Их не менее жуткие последствия множатся и этой весной 24-го, когда безотносительно, в Бремене и Киеве готовится к печати сборник стихов «Саганаж». Тот самый калейдоскоп происходящего ускорился многократно, не только по сравнению с началом века, но даже со времени упомянутых роковых дат. Невольно оставаясь в большей степени оптимистом, я, тем не менее, отнюдь не уверен, что, если несмотря на все печальные предпосылки нынешняя цивилизация продолжит существование, она не будет становиться всё более искусственной. В сфере интеллекта, постправды, эмпатии. Вероятность того, что станет совсем не до книг, вполне существует. Ещё и поэтому, подспудно существует желание понять, до них ли уже сейчас.

В моей личной, никому не навязываемой шкале ценностей не присутствует вина непосредственно языка за кровавые преступления тех, кто на этом языке отдаёт бесчеловечные распоряжения. Также, в этой же шкале отсутствует потребность огульно винить целые народы за то, что творят их кровожадные, потерявшие человеческий облик правители. Даже после Треблинки, Хиросимы и Бучи. Моя генетическая память осознаёт страшные последствия того, когда винят и стереотипно преследуют весь

народ. Легендарный, родившийся в Одессе теоретик и вдохновитель сионизма Зеев Жаботинский, лично знавший о нечеловеческих зверствах, подстрекаемых из дворцов Петербурга погромщиков, много и талантливо писал на русском языке. Уроженец Буковины, огромного, самобытного таланта еврейский поэт Пауль Целан, потерявший в нацистских лагерях смерти всю семью и чудом выживший в них сам, всю оставшуюся жизнь продолжал писать на немецком. Всемирно известный писатель Харуки Мураками, появившийся на свет в разгромленной американцами, союзнице гитлеровцев — Японии, всего через четыре года после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки — является искренним и убеждённым американофилом. Коренной киевлянин и потрясающий поэт Павел Рыцарь, пребывая в рядах действующей украинской армии, в самых горячих точках фронта с первого дня вторжения путинских орд в Украину, пишет стихи и на русском, и на украинском.

Правда, есть одна неоспоримая деталь — полное осознание и осуждение немецким и японским народами прежде немислимых преступлений Второй Мировой, вершившимися от их имени... увы, пока не предполагает непременно подобного осознания у других народов, от имени которых творятся сегодняшние ужасающие преступления против человечности.

Опять же — безотносительно к вышесказанному, родившийся в Киеве американский автор русскоязычного поэтического сборника *«Саганаж»* органично осознаёт вероятность того, что в будущем в его сочинительстве стихов и в переходе к прозе какое-то время русский язык вполне вероятно может отсутствовать. Это не какой-то манифест, не громкая позиция или гневное заявление. Это не реакция, хотя в чём-то, наверное, подспудная солидар-

ность с тем, что многие талантливые литераторы в Украине сделали свой выбор и осознанно покинули творческое русскоязычное пространство после начала полномасштабной военной агрессии против их страны. Для меня, тем не менее, это скорее то, о чём писал известный космополит-шестидесятник, чудесный писатель, поэт и автор песен Булат Окуджава: *«...Каждый пишет, что он слышит/ Каждый слышит, как он дышит/ Как он дышит, так и пишет/ Не стараясь угодить...»*. Соответственно — это об уже упомянутых превалирующих в свойственном автору приращении тех самых промежутках дыхания и сердечного ритма. Они давно уже скорее созвучны американскому английскому, а особенно в последнее десятилетие, всегда присутствующему в подсознании украинскому. И наверное, что, увы пока маловероятно в ближайшем будущем, но органично душевно желанными ивриту и идишу.

Моя искренняя и безмерная благодарность тем, без кого *«Саганаж»*, скорее всего, ещё долго оставался бы в задумках и набросках: Борису Марковскому — главному редактору литературного журнала *«Крещатик»*, на чьих страницах мне не раз посчастливилось публиковаться, и в литературной серии которого по любезному приглашению Бориса выходит эта книга; Олегу Никофу, замечательному киевскому поэту, издателю и единомышленнику, поддержавшему эту идею; Артуру Офенгейму, давнему другу, поэту, актёру, режиссёру и великолепному художнику, чья картина *«Иллюзия»* многогранно определяет содержание книги и украшает обложку; Иосифу Шацу, литературоведу и выдающемуся театральному режиссёру, написавшему необычное и очень точное предисловие к этому сборнику стихов; и особенно — Марине Тюриной Оберландер, моему дорогому другу, талантливому писателю и поэту, коллеге по редколлегии много значащего для нас обоих журнала,

без всесторонних, мудрых и грамотных советов которой на всех этапах подготовки рукописи к изданию «Саганаж» просто не представляется мне свершившимся.

А также, как говорят на Мидвесте *last, but not least*, моя особенная благодарность виртуальному литературному сообществу «Океанский Мост», которое неожиданно возникло в непредсказуемости пандемии и уже несколько лет помогает творческим единомышленникам по обе стороны Атлантики совладать с приграничем ирреальности происходящего на планете. Конечно же, благодарность моя многомерна и перечислить в этом кратком авторском очерке всех, кому я искренне признателен за то, что в промежутке всех этих семи лет продолжали появляться, читаться и публиковаться стихи, практически не представляется возможным. Я стараюсь и буду продолжать стараться делать это в личном общении с причастными. Неблагодарным никогда не был. В моей, опять же никому не навязываемой шкале ценностей, неблагодарность — нешуточный изъян...

Однажды, за несколько лет до безумного военного вторжения варваров с востока, в то лето, когда в Украине играть в футбол и оспаривать звание чемпиона континента собралась вся Европа, я в очередной раз прилетел в Киев. Не скрою — футбол, как и для любого киевлянина, чьё городское детство пришлось на эру Лобановского и Блохина, стал одной из основных мотиваций для приезда. Но также, тем летом в Киеве планировался выход моего небольшого сборника стихов, содержание и название которого — «*Эффект Озера*», пожалуй, самый киевский из всех современных писателей — Алексей Никитин — тонко охарактеризовал в предисловии как «*чикаго-центричный*».

В один из тех необыкновенных вечеров, кажется, между уже прошедшими полуфиналами чемпионата Европы,

но за несколько дней до финала, мы с Алексеем и моим одноклассником, поэтом Олегом Ошлянским решили съездить на день во Львов. Хотелось проверить гипотезу Андрея Макаревича о *вагонных спорах*, побродить улицами Фёдорова, Бальзака, Лема и Леца, добраться до Высокого Замка... Кроме того, два киевских литератора-интеллектуала были не прочь отведать истинного львовского кофе, а турист с Мидвеста жаждал увидеть, по какой улице его жена ходила в школу с первого по шестой класс. За утро, день и вечер во Львове намеченные планы были перевыполнены. В процессе заезжий американец, потрясённый романтической эклектикой Львова и найденной улицей Коперника, был подсажен на тот самый истинный львовский кофе и вовлечён в интеллектуальную беседу о Декарте, которая активно продолжалась в обратном ночном поезде по пути в столицу.

В ретроспекции этот фрагмент подспудно стал изначальным промежутком приграничья, в котором отразились как иллинойские тропы Потаватоми, так и улицы Саганаша, Печерска, Подола, Сырца, Нивок и Голосеево. А ещё — в зале прилёта одного из чикагских аэропортов есть замечательная кофейня, вкус кофе в которой истинно львовский. Она называется «У Декарта». Именно там, после очередного недавнего возвращения домой на Мидвест, автор в целом завершил окончательную редакцию этой континентально-киевской, но похоже, всё же во многом *«чикаго-центричной»* книги.

*May-June, 2024,
Sauganash*

[Дополнительные материалы]

Гари Лайт
Биографическая справка

Гари Лайт — американский поэт из Чикаго, родившийся в Киеве, Украина, в 1967 году. С 1980 года живет в США. С отличием окончил Нортвестернский университет, где изучал политологию и литературоведение. Вскоре после этого, по окончании юридической магистратуры в Чикаго стал адвокатом и работает в области международной юриспруденции как в США, так и за рубежом. С 1993 года стихи Гари регулярно публикуются в литературных журналах и поэтических антологиях США, Канады, Израиля, Европы и Украины. Член Американского ПЕН-центра и Союза писателей Украины. Начиная с 1992 года были изданы более десяти поэтических книг Лайта. Его книга «Траектории Возвращений» была издана в США (Bagriy & Company, 2017) и в Украине (ИДБ, 2017) и была отмечена премией Союза писателей Украины имени Ушакова. Недавние сборник на английском языке под названием «Confluences» (Bagriy & Company, 2020; Kayala Publishing, 2020) и трёхязычная книга избранных стихотворений «Дологосо» (ВДОФ, 2022; Bagriy & Company-M-Graphics, 2023) были изданы как в Украине, так и в США, что становится уже традицией. Гари регулярно принимает участие в поэтических чтениях и других литературных мероприятиях по обе стороны Атлантики.

Библиография
изданных книг автора:

- Дологосо*, Киев, 2022, Chicago-Boston, 2023.
Confluences, Chicago, 2020; Kyiv, 2020.
Траектории возвращений, Чикаго, 2017; Киев, 2017.
Молекулы оттепели, совместно с Михаилом Мазелем, Нью-Йорк, 2017.
Переводы из Александра Кушнера, Нью-Йорк, 2015.
Траектории, Нью-Йорк, 2013.
Lake Effect, Киев, 2012, исправ. и дополнен. — *Эффект Озера, Чикаго, 2013.*
Возвращения, Киев, 2002, исправ. и дополнен. — Киев, 2005.
Третий, Philadelphia, 1995, исправ. и дополнен. — Москва, 1998.
Город, совместно с Мариной Гарбер, Киев, 1997.

Автор благодарен главредам и редколлегиям периодических литературных изданий *Крещатик*, *Новый Журнал*, *Слово-Word*, *Времена*, *Иерусалимский Журнал*, *Радуга*, *Этажи*, *Florida*, *45-я Параллель* и *Elegant New York*, где некоторая часть из стихов включенных в эту книгу была напечатана изначально.

Автор благодарит друзей и единомышленников по виртуальной площадке сообщества *Океанский Мост* с побережья озера Мичиган, берегов Днепра, Аяркона, Иордана, дельты Гудзона и Ист-Ривер, акватории Средиземного моря, а также по обе стороны Атлантического океана и американского берега Тихого — за их неизмеримое и столь необходимое присутствие в этой книге.

Благодарность за гостеприимство, творческую атмосферу и участие:

Україна:

Киевская Библиотека им. Леси Украинки, Шевченковского района, на Большой Житомирской;

Киевская Библиотека им. Гоголя, Голосеевского района на ул. Большой Васильковской;

Киевская Библиотека им. Трублаини, Печерского района, на Бульваре Марии Примаченко;

Киевский Дом Книги на ул. Павла Скоропадского;

Киевский Дом Актера;

Киевский Дом Учителя;

Галерея Высоцкий на киевской Воздвиженке;

и особенно: Киевскому Музею Михаила Булгакова на Андреевском Спуске;

Киевской Библиотеке им. Панча, Голосеевского района на ул. Большой Васильковской;

U.S.:

Terra Sounds (Glenview, Illinois — Chicago)

Bookends and Beginnings Reading Series

(Evanston, Illinois — Chicago)

Outdoor Café Reading Series (Chicago)

Beach Poets Reading Series (Chicago)

Gallery Cabaret Reading Series (Chicago)
City Lit Books Reading Series (Chicago)
The Book Cellar Reading Series (Chicago)
Highland Park Poetry Reading Series
(Highland Park, Illinois — Chicago)
Palm Beach Poetry Festival (Delray Beach, Florida)
City of Sunny Isles Public Library (SunnyIsles, Florida — Miami)
Samovar Literary Club (Manhattan, New York)
Shaloh House (Brighton, Massachusetts, Boston)
Toadstool Bookshop Reading Series (New Hampshire)
La Table de Sophie Reading Series (Los Angeles, California)
Бостонские Чтения (Boston, Massachusetts)
Тамза (San Diego, California)
Литературный Клуб Э. Фридмана (Philadelphia, Pennsylvania)
Литературный Клуб М. Блюмина (San Francisco, California)
Литературный Клуб Физиков и Лириков В. Штивельман
(Toronto, Canada)

СОДЕРЖАНИЕ

Иосиф Шай. Пейзаж со спорной запятой 5

I. Поезд уходит в днепровские дали

Саганаж	21
«Зимой високосного года претит...»	22
Предвзлётное	23
Несовершенство как таковое	24
Май. Эванстон. Альма-матер	25
De novo	26
Ладисполи VII	26
Ранне-весенний орегон	28
«Постоянное чувство отложенных дел...»	29
Пейзаж со спорной запятой	30
Посвящение сверстнику	31
Констатация	32
«Поезд уходит в днепровские дали...»	32
«Глаза Габриэля Гарсия Маркеса...»	33
«У кота Иннокентия множество дел...»	34
Вселенский декабрь	35
Олдсмобили	36
«Иллюзии уходят, как листва...»	37
«Несовершенство как пароль...»	38
Ки Вест IV	39
Летаргия	39
Долоросо	41
«Улица Анны Ахматовой...»	42
«НАТО захочет в небесную Украину...»	42
Март. Сон	44
«Сегодня в Эванстоне джаз...»	45
«Пришла пора глобальных катастроф...»	47

II. Несовпадение во времени

Поколенческое.....	53
Расклад.....	54
Монолог пчеловода.....	55
Сонет завершений апреля	56
Lower urper.....	56
«Тысячелетье на дворе...»	57
Завершение сезона.....	58
Турбулентность	59
«Мы порой надоедаем вещам...»	60
Стороннее.....	60
Ретроспектива	61
Ладисполи VI — адажио.....	62
Выход в осень.....	63
«Вкрапленье осени в Саганаж...»	64
«Я вышел из Египта налегке...»	65
Високосное.....	66
Предчувствие прозы	66
Эклога	67
Неспешность-неведение-подлинность	68
«В канун ангины на Печерске...».....	70
«Нас становится всё меньше...»	70
Изъян	72
Река Олета.....	73
Этюд.....	74
Летки. Быль.....	75
Аллегория.....	77
На улице Маккейна	79

III. Диорама

Сиреневый сонет.....	83
Заклинание.....	83
Синопсис сериала.....	84
«Прикосновенен ли запас...»	84
Относительность.....	85
Вариант.....	86
Жёстко-сравнительное.....	87

«В лавке жены алхимика...»	88
Кинотеатр «400».....	89
«К Офелии, не Констанции...».....	90
Поколенческое II	91
Рефлексия.....	91
Дар провидения.....	92
«...як звали котика Максима?..»	93
«Три сезона “Фауды”»,.....	93
Манхеттенское	94
Семидесятичное	95
Ладисполи VIII.....	96
Прошлое	97
Рецепт достижения совершенства	98
В предвоенном межсезонье	98
Предзимье.....	100
Вердикт.....	101
Диорама.....	102
Семидесятичное II.....	103
Январь-2000-сюжет	104
Контекст.....	106
Инструкция.....	106
Короткометражное	107

IV. Эффект неприсутствия

«Бывают в апреле бинарные дни...»	111
«Подмена пониманий и основ...»	111
«Поэт на войне видит много бездомных котов и цветы...»	112
«В доме у Эдгара Эллена...»	113
«Америку любить учили все...».....	113
Сужение сюжета.....	114
Предвидение.....	115
Польское.....	116
«Совсем не по поводу книжных в Пассаже...»	117
Игрушечный поезд.....	118
Прозрение	119
«Эмоции, которых больше нет...»	120
Параллельная горечь.....	120
Сан-Диего.....	121

Несовершенство	122
Сравнительный июль.....	123
Вывод.....	124
Наблюдательное.....	124
В формате сна.....	125
Фронтowiку-сверстнику.....	126
Семидесятичешское III	127
«Был Монреальский кинофестиваль...»	128
Восьмидесятые — несбыточность.....	130
Эффект неприясуства.....	131
Инакот	132
Басня.....	132
Альтернативы.....	133

V. Всплески неба, свет прибора

Исповедимости.....	137
Построждешвенский несонет.....	138
«В полнолуние кажется...»	138
Одноклассное	140
«Air Berlin» — Белый Бим.....	141
Простая истина.....	142
Относительность.....	143
Реминисценция #3.....	143
Между первой и второй.....	144
Провансальский диссонанс.....	146
Ки вест III.....	146
«Покуда зной определяет явь...».....	148
«Пасмурное море в ранних сумерках...»	148
«В Конфедерации настали времена...»	149
Луна.....	150
«Яркий промельк — Каролино-Бугаз...»	151
«В дождях над океаном у любви...»	152
Остров Виктория	152
Этническое.....	153
Ки Вест IV.....	154
«Всплески неба, свет прибора...»	154
Мидвест	155
Восьмой, предосенний...	156

«В стиле фильма “Кентавры” — сериал НТВ...»	157
Семидесятичное III	158
Ремесленное	158
«Сон арьергарда августа. Нью-Йорк...»	159
«Путём взаимной переписки...»	161

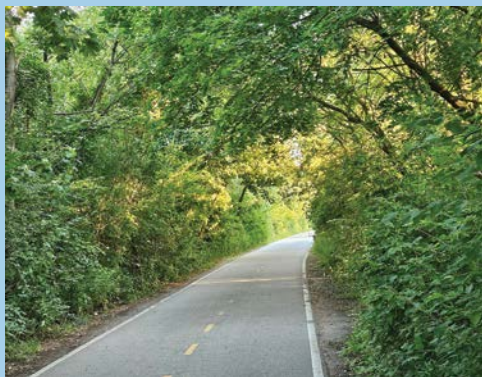
VI. Перехлёт

«В примичиганских дюнах напролёт...»	165
Сонет бесснежного полнолуния	166
Десятое сентября две тысячи первого	166
«Горящих рукописей дым...»	167
Место частых совпадений	168
«Бывает — нужно просто переждать...»	168
«Кроме кошек, глинтвейна, камина...»	169
Отождествлённая печальная картина	170
«Мессинг боялся замкнутых пространств...»	171
«В лузу луну, пожалуй на раз-два-три...»	171
Пандемическое	172
«Это было так давно...»	173
Апрельское-високосное	174
Рваная амплитуда	174
«С былым-грядущим, главным по защите...»	175
Памяти Василя Дробота	176
Лето. 70-е, IV. Контуры позднего детства	179
«В рамке странной малахита...»	180
Этюд завершения века	181
Пражанка Милена. Август 1968. Кинофрагмент	182
«Кортасар вслух, аскеза сентября...»	183
Перехлёт	183
«Знобит не от того, что перепад...»	184
«Диего Армандо — не был командным...»	185
«Штормило в городе, снаружи и внутри...»	185
Тенденция	186
Мистика срединных девяностых	187

VII. Обетованный блюз

Предновогодняя лирика	191
«Погода в Вифлееме не ахти...»	192
Посвящение киевскому поэту	192

Ноябрь	193
«Суть через запятые, впопыхах...»	194
Полустанок Forest Glen	195
«Несовпадение во времени...»	196
«Видение у моря в январе...»	197
«Что значит в жизни кошки человек...»	198
Февральская полуэлегия	198
Реминисценция #2	199
«Время истины Босха...»	200
Симбиоз	201
Ладисполи IV — предотлётные дни	202
Послесловие	204
Кредо	204
Экспатское	206
Февральское	207
«А ведь прилетит — не кометой...»	208
Ранний трансатлантический	209
«Гладиатор здесь проездом...»	210
Обетованный блюз	210
Над Саванной	211
«У светлых дней — изысканный посыл...»	212
Назначение	213
«Четвёртый по счёту, в начале — январен...»	214
Промежуток приграничья. <i>Авторское послесловие</i>	215
[Дополнительные материалы]	233

Поэзия Гари Лайта необычна не столько формой строф, как их направленностью. Читатель поразится свету, его многочисленным, одновременным, прожекторным лучам, которыми автор талантливо выхватывает боль, грусть и сущность жизни. Эти стихи пронзительны образами, застывающими пятнами света в душе.

Саша Немировский, Сан-Франциско

Лайт — отменный рассказчик. Перечень навыков его мастерства: остроумие, эрудиция, глубокие литературные и культурные ассоциации. Его стихи с их последовательностью событий читаются сравни длящейся новелле.

Женя Крейн, Бостон

Поэзия Гари Лайта не просто объёмна, она настолько хорошо знакома с пятым измерением, что легко выносит читателя за его пределы, в шестое, седьмое и Бог знает какое. Живые слова на вес, вкус, звук и запах, деликатно обнимают, обволакивают туманом, растворяют в сумерках и легко переносят из Города на Озере в Город на Днепре, из детства в зрелость, из реальности в мечту — и обратно. Но самое главное достоинство этих стихов в том, что они обладают особой магией — магией человечности.

Лия Чернякова, Милуоки

У Гари Лайта три лингвистических ипостаси: он думает, говорит и пишет стихи на эмоционально родном украинском, почти родном английском и, несмотря ни на что, изначально родном для него русском языке. Гари обладает умением находить единственно правильные, точные слова. Вероятно, владение тремя языками и умение писать стихи на всех трёх, предполагает такой поэтический класс. ... Именно так можно сказать о стихах Лайта — тонкого лирика, наделённого абсолютным поэтическим слухом.

Татьяна Шереметева, Нью-Йорк

